

Список використаних джерел

1. Коробко М. І. Явні та неяви джерела філософії об'єктивізму Айн Ренд / М. І. Коробко // Гуманітарний часопис. – 2015. – №1. – С.38–44.
2. Кучинська В. «Атлант розправив плечі»: не стільки про бізнес, скільки про мораль [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.innovations.com.ua/ua/articles/finance/18006/atlant-rozpraviv-plechi-ne-stilki-pro-biznes-skilki-pro-moral>.
3. Рэнд А. Основные принципы литературы / А. Рэнд // Апология капитализма: сб. статей. – М.: НЛО, 2003. – С.294–316.
4. Рэнд А. Ответы: Об этике, искусстве, политике и экономике / А. Рэнд. – М.: Альпина Паблшер, 2012. – 282 с.
5. Рэнд А. Романтический манифест: Философия литературы / А. Рэнд. – М.: Альпина Паблшер, 2010. – 199 с.
6. Рэнд А. Цель моих сочинений / А. Рэнд // Апология капитализма: сб. статей. – М.: НЛО, 2003. – С.281–294.
7. Рэнд А. Что такое романтизм? / А. Рэнд // Апология капитализма: сб. статей. – М.: НЛО, 2003. – С.316–343.
8. Сазонов С. С. Введение в философию Айн Рэнд: метафизика и эпистемология свободы / С. С. Сазонов // Материалы четвертых чтений памяти Г. В. Лебедева. – М.: Алроса, 2008. – С.11–28.

References

1. Korobko M. I. Javni ta nejavni dzherela filosofii' ob'jektyvizmu Ajn Rend / M. I. Korobko // Gumanitarnyj chasopys. – 2015. – №1. – S.38–44.
2. Kuchyns'ka V. «Atlant rozpraviv plechi»: ne stil'ky pro biznes, skil'ky pro moral' [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: <http://www.innovations.com.ua/ua/articles/finance/18006/atlant-rozpraviv-plechi-ne-stilki-pro-biznes-skilki-pro-moral>.
3. Rjend A. Osnovnye principy literatury / A. Rjend // Apologija kapitalizma: sb. statej. – M.: NLO, 2003. – S.294–316.
4. Rjend A. Otvety: Ob jetike, iskusstve, politike i jekonomike / A. Rjend. – M.: Al'pina Pablisher, 2012. – 282 s.
5. Rjend A. Romanticheskij manifest: Filosofija literatury / A. Rjend. – M.: Al'pina Pablisher, 2010. – 199 s.
6. Rjend A. Cel' moih sochinenij / A. Rjend // Apologija kapitalizma: sb. statej. – M.: NLO, 2003. – S.281–294.
7. Rjend A. Chto takoe romantizm? / A. Rjend // Apologija kapitalizma: sb. statej. – M.: NLO, 2003. – S.316–343.
8. Sazonov S. S. Vvedenie v filosofiju Ajn Rjend: metafizika i jepistemologija svobody / S. S. Sazonov // Materialy chetvertyh chtenij pamjati G. V. Lebedeva. – M.: Alrosa, 2008. – S.11–28.

Patlaichuk O. V., PhD, Associate Professor,
Department of Philosophy and Cultural studies,
Admiral Makarov National University of Shipbuilding
(Ukraine, Mykolaiv), volnistik@gmail.com

Aesthetic views of Ayn Rand

The views of the American philosopher and writer Ayn Rand (1905–1982) of the world, humanity, the relationship between people is a holistic system that covers all the main branches of philosophy. Aesthetic analysis of the concept of «romantic realism», that is an integral part of the writer's philosophy of objectivism, is of particular interest.

According to the interpretation of Ayn Rand, the main feature of romanticism, as an aesthetic direction, is the recognition of the human capacity for act of will. The act in this case has no relation to mysticism, as is the ability of the mind, that is the result of cognitive abilities.

Romantic art, in understanding Ayn Rand, must follow the principle of Aristotle and to show things not as they are but as they could be and ought to be. According to this, romanticism should be combined with realism. A work of art, created in accordance with the values of the author must be consistent with reality and not to go beyond the rational.

The collapse of romanticism in aesthetics, according to Ayn Rand, has occurred because of misunderstanding of its true nature and because of the dominance in the cultural life of irrational and deterministic views.

Keywords: Ayn Rand, romantic realism, act of will, art, naturalism.

* * *

УДК 165.75(091)

Константинов М. В.,
аспирант кафедры философии и социально-политических дисциплин, Полтавский национальный технический университет им. Юрия Кондратюка (Украина, Полтава), mihael01@hotmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ ИСКУССТВА КАК «МОДЕЛИРУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ» У Ю. М. ЛОТМАНА

Реконструирована эволюция концепции Ю. Лотмана об искусстве как «вторичной моделирующей системе» – показан переход к понятиям «первичное» и «вторичное» в коммуникативно-моделирующих системах, а затем к понятиям континуальности и дискретности, в которых континуальные языки принимают на себя функцию термина «вторичные моделирующие системы». Сделан вывод о существенной трансформации не только понятий, но и всей концепции Ю. Лотмана, развивающей идею «семиосферы» как глобальной моделирующей семиотической системы.

Ключевые слова: язык, коммуникативно-моделирующая система, континуальность и дискретность, континуальный язык, семиотика, семиосфера, Ю. Лотман.

(статья друкється мовою оригіналу)

Семиотические идеи Юрия Лотмана, в том числе его анализ искусства, продолжают привлекать современных исследователей. Так, в 2013 году в Венеции состоялась конференция, посвященная лотмановскому анализу искусства, результатом которой стал солидный научный сборник «Le Muse fanno il girotondo: Jurij Lotman e le arti» [18]. Авторами сборника стали как известные российские исследователи творчества Ю. Лотмана (С. Даниэль, А. Данилевский, Н. Поселягин), так и итальянские ученые-семиотики (S. Burini, L. Gnerlone, G. Barbieri и другие). Большое внимание было уделено как раз лотмановскому анализу взаимоотношения изображения и текста, как в художественных текстах, так и в визуальных искусствах (в частности, в кино).

В предыдущей статье мы рассмотрели генезис понятия «вторичные моделирующие системы» у Ю. Лотмана – понятия, которое схватывало особенность искусства как текста, рассматриваемого под углом зрения семиотического анализа. Это понятие, однако, использовалось Лотманом только в определенный период его творчества. Исследователи (Л. Зеленская [4], С. Зенкин [5], Ким Су Кван [6], А. Киченко [7], А. Фаустов [17] и др.) уже обращали внимание на этот аспект его творческой эволюции, однако, как правило, не акцентировали на нём внимание. Между тем, эти терминологические поиски Ю. Лотмана представляются исключительно важными для понимания сущности его структурно-семиотической концепции в её становлении и развитии.

Цель данной статьи – проследить трансформацию идеи, обозначенной ранним Ю. Лотманом как «вторичные моделирующие системы», в частности, в антиэссе дискретное/континуальное.

Понятие «вторичные моделирующие системы» у Ю. М. Лотмана не было постоянным. Более того, по утверждению профессора А. А. Фаустова, после 1974 года он уже не использовал этот термин [17]. Мы провели контент-анализ книги «Семиосфера: Культура и взрыв; Внутри мыслящих миров; Статьи и Исследования; Заметки» (С.–Петербург, 2000). Этот сборник состоит из статей Ю. М. Лотмана, написанных им в основном после 1974 года. На основании этого

анализа можно утверждать, что Лотман действительно использовал термин «вторичные моделирующие системы» только в статьях, написанных до 1974 года включительно. Ту же процедуру мы провели с книгой Ю. М. Лотмана и Ю. Г. Цивьян «Диалог с экраном», изданной после его смерти, в 1994 году. Мы не нашли ни одного использования данного термина. Это все, в какой-то мере подтверждает утверждение А. А. Фаустова.

В 1974 г. в Тарту Лотман сделал доклад на Всесоюзном симпозиуме по вторичным моделирующим системам, который назывался: «О соотношении первичного и вторичного в коммуникативно-моделирующих системах» [8]. Из самого названия доклада можно заметить, как Лотман расставляет акценты. Вместо «первичные» и «вторичные» системы он использует выражение «первичного и вторичного в <...> системах» (курсив мой – М. К.) (что напоминает статью С. К. Шаумяна «Естественный язык как семиотическая система»), а также понятие «моделирующие» он расширяет до «коммуникативно-моделирующие». Соотношение первичных и вторичных знаковых систем Лотман в начале доклада соотносит с пятым принципом декартовских «правил для ума»: «Весь метод состоит в порядке и расположении тех вещей, на которые надо обратить взор ума, чтобы найти какую-либо истину. Мы будем строго придерживаться его, если шаг за шагом сведём запутанные и тёмные положения к более простым, а затем попытаемся, исходя из усмотрения самых простых, подняться по тем же ступеням к познанию всех прочих» [2, с. 91]. То есть, от сложного к простому. Исходя из этого принципа, можно сказать, что системе естественного языка, как «простой», всегда сопутствуют вторичные системы, как «сложные» – социальные, эстетические, искусства, культуры, религиозные. При этом лотмановская триада языков (естественные, искусственные, вторичные, и, как самый высокоорганизованный, – язык поэтический), представляют собой шкалу возможной переводимости. Шкала эта начинается с искусственного языка, в котором все однозначно и исключается любая многозначность. При этом эти языки легко переводимы на другие. Закачивается шкала поэтическими текстами, которые не допускают однозначности, и поэтому они трудно поддаются переводу. Юрий Михайлович указывает, что поэтический язык является частным случаем естественного языка, с другой стороны справедливо также сказать, что естественный язык следует рассматривать как частный случай поэтического языка [8, с. 228]. Поэтому Лотман подводит итог в последнем пятом пункте своего доклада такими словами: «...Вопрос о первичности того или другого определяется функциональной направленностью данного акта перевода (что на что переводится)» [8, с. 228]. Позже эта мысль в более расширенном виде появится в статье «Три функции текста» (1986): «Итак, спектр текстов, заполняющих пространство культуры, нам рисуется как расположенный на оси, полюса которой образуют искусственные языки, с одной стороны, и художественные – с другой. Остальные помещаются на разных точках оси, тяготея то к одному, то к другому полюсу. При этом надо иметь в виду, что полюса этой оси – абстракция, не осуществимая в реальных

языках: как невозможны искусственные языки без некоторого, хотя бы зачаточного синонимизма и других «поэтических» элементов, так неизбежны метаязыковые тенденции в языках с демонстративной тенденцией к «чистому» поэтизму. Следует учитывать также, что место текста на названной выше оси подвижно: читающий может оценивать соотношение «поэтического» и «информационного» в тексте иначе, чем автор» [11, с. 160–161]. Эта мысль Лотмана напоминает нам статью, о которой упоминал Вл. А. Успенский, описываю историю рождения термина «вторичные моделирующие системы» [см.: 16, с. 106–107]. Речь идет о статье А. А. Зализняка, Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова «О возможности структурно-типологического исследования некоторых моделирующих семиотических систем» (1962). В ней говорится, что примером наибольшей степени отвлеченности выступают математические языки (искусственные у Лотмана), которые обладают минимальной моделирующей способностью, с другой стороны приводятся знаковые системы религии, миф (поэтический язык у Лотмана), которые обладают наименьшей степенью отвлеченности и максимальной моделирующей способностью. Эти два полюса определяют градацию языков по моделирующей способности и степени «отвлеченности» (абстракции) [3, с. 134]. Стоит подчеркнуть, что данная статья была написана за 24 года до упомянутой статьи Лотмана о трех функциях текста.

На подвижность текста, о котором говорит Юрий Михайлович, также указывает немецкий исследователь творчества Лотмана Карл Аймермахер, используя при этом другую терминологию, в которой «модель» выполняет также функцию «языка»: «... В «научных моделях» трансформация элементов допустима только в одном направлении, а именно, как правило, элементов более низкого уровня в элементы ближайшего более высокого уровня: в «художественных моделях мира» этот процесс проходит в нескольких направлениях» [1, с. 296]. Языки, находящиеся на разных полюсах абстрактной шкалы, как указывает Лотман, всегда подразумевают некоторую общую площадь пересечения, в виде синонимизма и других «поэтических» элементов (в искусственных языках), как и метаязыковые тенденции в «языках с демонстративной тенденцией к «чистому» поэтизму». Лотман, указывает Фаустов, сделал переход от онтологии текста, как «вторичной моделирующей системы», к онтологии текста как «своего рода интеллектуального устройства, мыслящего субъекта, способного хранить, передавать и порождать информацию» [17, с. 6].

Мы указывали в предыдущей статье, что получение информации в коммуникативном акте (согласно концепции Лотмана позднего периода), происходит посредством перевода информации с языка адресанта на язык адресата, и что новизна информации состоит в неадекватности этого перевода. В этом состоит креативная функция текста, который также обладает множественной (по меньшей мере, двойной) закодированностью, «внутренним полиглотизмом», как явление культуры. Через иконизацию («Знак в литературе остается словесным. Он не воспринимается человеком, не владеющим данной языковой структурой. И все же по принципу соотношения содержания и

выражения он приближается к изобразительным знакам» [12, с. 155]) художественного текста [14, с. 388] Лотман приходит к континуальному (не дискретному) тексту, в котором весь текст как целое выступает как минимальная семантическая единица. Тему континуальности и дискретности Лотман выводит из природы работы двух полушарий человеческого мозга [5, с. 273–274] и указывает на гетерогенность текста: он содержит как дискретный язык, так и не дискретный (континуальный) язык [10, с. 406]. Поскольку художественный текст есть минимальная семантическая единица – знак или изоморфен знаку – мы можем сказать, что он этим тяготеет к иконически–континуальному языку. И если мы вспомним, что в ранний свой период Лотман относил искусство ко «вторичным моделирующим системам», в которых текст есть также минимальная единица, то можно предположить, что континуальные языки приняли на себя функцию этого термина. Также язык пространственных отношений, который характерен для «вторичных моделирующих систем», по своей природе тяготеет к иконически–континуальным языкам, а их вербализация же имеет вторичный характер [11, с. 335]. При этом, у раннего Лотмана в «первичных и вторичных моделирующих системах» их языки не сводимы к одному языку (системе). Также и у позднего Лотмана дискретные и континуальные языки представляют собой один гетерогенный текст, но не один единый язык. Здесь Лотман, по примеру различия работы двух полушарий головного мозга (правое работает по дискретному принципу, а левое – по континуальному), указывает на теорию функциональной асимметрии, которая сводится к дихотомии дискретное/не дискретное. Антитеза иконических (континуальных)/словесных (дискретных) языков разрешается в гетерогенном тексте через вербализацию иконических знаков и иконизацию словесных знаков [11, с. 520], «удвоением реальности» [13, с. 609], а также через трансформацию (не перевод, а узнавание [11, с. 526]) и реорганизацию мифологического сознания в повествовательную структуру [11, с. 571; см. также: 7; 17]. Здесь мы имеем дело с двумя текстопорождающими устройствами: центральное (мифологическое), которое фиксирует общие закономерности (при этом также указывает на интимно–личностное отношение к адресату: «Поскольку микрокосм внутреннего мира человека и макрокосм окружающей его вселенной отождествляются, любое повествование о внешних событиях может восприниматься как имеющее интимно–личностное отношение к любому из аудитории. Миф всегда говорит обо мне. «Новость», анекдот повествуют о другом. Первое организует мир слушателя, второе добавляет интересные подробности к его знанию этого мира» [9, с. 226]), и периферическое, фиксирующее случайности. Они взаимно дополняют друг друга. Дихотомия континуальное/дискретное превращается в «концентрическое» (циклическое)/линейное. Мифологический мир есть бытие, которое строится на концентрических кругах, между которыми существует отношение гомеоморфизма [11, с. 571]. Данная дихотомия представляет собой одну картину мира с различными точками зрения на нее, которые выражаются через различные планы выражения. В

семиотическом аспекте А. С. Киченко охарактеризовал это состояние двумя лотмановскими положениями: «1) специфика мифологического сознания и его структур заключается в том, что «мифологическое» есть типологический контрагент к «логическому», дескриптивному типу сознания: отсюда язык «мифологического» противоположен словесно–линейному языку (противопоставление «мифологического» «словесно–линейному») Юрий Михайлович также определяет в сюжетопостроении художественного текста. Об этом он говорит в статье «Происхождение сюжета в типологическом освещении» [см.: 9]), словесному началу культуры в целом; 2) обязательность наличия этих двух языков, двух берегов культуры [9, с. 226]: словесно–дискретного (текст) и иконически–континуального (типологически сводимого к мифу)» [7, с. 20–21]. (Противопоставление «мифологического» словесно–линейному в сюжетопостроении Юрий Михайлович разбирает в статье 1979 года «Происхождение сюжета в типологическом освещении»).

Говоря об этих двух языках, Лотман указывает, что множественность языков в тексте не вызывает у говорящего никаких трудностей. Более того, он их просто не замечает. Как пример такой множественности Лотман приводит знаменитое сосюровское разделение на язык и речь («письменный и устный языки»). Для хорошо владеющего русским языком наличие данного разделения совершенно незаметно, они «ускользают от его внимания». Лотман объясняет это так: говорящий субъект воспринимает свой язык через призму метаописаний, которые, как правило, возникают на основе одного из двух составляющих одну систему языков, игнорируя при этом другую составляющую. Говорящий не замечает наличия двух языков, потому что языковое метасознание отождествляет письменную форму языка с языком как таковым [11, с. 574].

Генерализация антитезы дискретное/континуальное до общекультурного механизма дуальности приводит тому, что не дискретный язык («мифологическое»), наряду с дискретным (естественным) языком перестает восприниматься как нечто «первичное», становится частным проявлением данной дихотомии. Переход от изучения текста и знаковых систем к выявлению механизмов их функционирования в культуре привело к тому, что любой текст виделся как частное проявление культуры, и поэтому «вторичные моделирующие системы» как текст воспринимались как частный случай проявления культуры [4, с. 15]. Основной вопрос семиотики 70–х годов XX века – это принципы построения культуры (количество разных знаковых систем данной культуры, их иерархия), положение каждой из семиотических систем в общем организме культуры, принципы их взаимодействия и влияния друг на друга. Поэтому в таком подходе текст не мог уже занимать центральное место, как это было в 60–е годы прошлого века. Четко прослеживается переход от экстраполяции лингвистических методов к полиглотизму, неоднородности и взаимодополняемости в культуре. Переосмысление антитезы дискретное/континуальное было также углублено теорией функциональной асимметрии мозга, в которой лотмановские *биполярные оппозиции* (биполярные оппозиции Лотмана не стоит путать с бинарными оппозициями

Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона и К. Леви–Стросса, которые активно используются в структурализме. Ким Су Кван противопоставляет эти оппозиции [см.: 6, с. 137–138] – детское сознание ↔ взрослое сознание, мифологическое сознание ↔ историческое сознание, иконическое мышление ↔ словесное мышление и другие [11, с. 573] – абсолютно теряют свою разноранговость и сводятся к противопоставлению дискретного и континуального, которое, как мы указывали, соотносится с правым и левым полушарием мозга [11, с. 572]. А. А. Фаустов указывает, что такое сближение мозга, текста и культуры, оборачивается в итоге пантекстуализмом, то есть взглядом на семиотическую систему как на монадологический универсум [11], в котором как текст рассматривается и отдельная человеческая личность [17, с. 15–16].

В итоге мы можем констатировать, что от лотмановской концепции «вторичных моделирующих систем» ничего не осталось. Более того, когда Лотман принял и определил роль этого термина в своей концепции, он тем самым, согласно Н. В. Поселягину, разрушил «парадигму» («Глобальную моделирующую семиотическую систему», согласно Д. М. Сегалу) «долотмановского структурализма». Однако, когда он полностью отказался от этого термина, он создал новую «парадигму» в виде его «Семиосферы», которая полностью подходит к выражению Д. М. Сегала о «большой парадигме» как «глобальной диффузной моделирующей семиотической системе», которая лежит в основе и *первичной*, и *вторичных* систем [15, с. 107–109]. На наш взгляд в этом усматривается цикличность развития структурализма. И поэтому, может быть, он снова будет востребован, как пятьдесят лет назад. Это не означает, что новое будет точно таким же как и старое. Оно будет основываться на нем, расти из него. История знает такие примеры.

Выводы. Проведенный анализ позволяет утверждать, во-первых, что после 1974 года Ю. Лотман практически не употреблял более термин «вторичные моделирующие системы». Определенным аналогом этого понятия выступают термины «первичное» и «вторичное» в коммуникативно–моделирующих системах. Дальнейшее развитие это понятийное поле получает у Лотмана в разработке понятий континуальности и дискретности, которые Лотман выводит из природы работы двух полушарий человеческого мозга. Континуальные языки принимают на себя функцию термина «вторичные моделирующие системы», при этом язык пространственных отношений, который характерен для «вторичных моделирующих систем», по своей природе тяготеет к иконически–континуальным языкам, а их вербализация же имеет вторичный характер. У позднего Лотмана дискретные и континуальные языки представляют собой один гетерогенный текст, но не один единый язык. В итоге, таким образом, Ю. Лотман не только отказывается от понятия, но и существенным образом преобразует свою концепцию, развивая идею «семиосферы» как глобальной моделирующей семиотической системы.

Список использованных источников

1. Аймермахер К. «Мир» и «модель мира» в литературоведческих работах московской и тартуской школ // Знак. Текст. Культура. – М., 2001. – С.282–303.

2. Декарт Р. Правила для руководства ума // Сочинения в двух томах. Т.1. – М., 1989. – С.78–153.

3. Зализняк А. А., Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. О возможности структурно–типологического исследования некоторых моделирующих семиотических систем // Структурно–типологическое исследование, сборник статей под ред. Т. Н. Молошная. – М., 1962. – С.134–143.

4. Зеленская Л. Ю. Принципы интерпретации текста в Московско–Тартуской семиотической школе. Историко–филологический анализ. Автореферат дисс. ... кандидата философских наук. – М.: МГУ, 2000. – 24 с.

5. Зенкин С. Н. Семиотика зрительного образа: Ролан Барт и Юрий Лотман // Зенкин С. Н. Работы о теории: Статьи. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С.262–274.

6. Ким Су Кван. Основные аспекты творческой эволюции Ю. М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личностность». – М.: НЛО, 2003. – 176 с.

7. Киченко А. С. Семиотика после Ю. М. Лотмана: аспект «Мифологичности» // Східнослов'янська філологія. – 2009. – №14. – С.19–24.

8. Лотман Ю. М. О соотношении первичного и вторичного в коммуникативно–моделирующих системах // Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам I (5). – Тарту: Тартуский гос. университет, 1974. – С.224–228.

9. Лотман Ю. М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т.1. – Таллинн, 1992. – С.224–242.

10. Лотман Ю. М. Риторика // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб., 1998. – С.404–422.

11. Лотман Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв; Внутри мыслящих миров; Статьи и Исследования; Заметки. – С.–Петербург: «Искусство–СПБ», 2000. – 704 с.

12. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПБ», 1998. – С.12–150.

13. Лотман Ю. М. Театральный язык и живопись (К проблеме иконической риторики) // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПБ», 1998. – С.608–617.

14. Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПБ», 1998. – С.387–400.

15. Сегал Д. М. «Et in Arcadia ego» вернулся: наследие московско–тартуской семиотики сегодня // Московско–тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления. – М., 1998. – С.99–112.

16. Успенский Вл. А. Прогулки с Лотманом и вторичное моделирование // Лотмановский сборник 1. – М., 1995. – С.99–127.

17. Фаустов А. А. Миф и вторичные моделирующие системы // Поэтика мифа: Современные аспекты / Отв. ред. С. Н. Зенкин. – М., 2008. – С.5–23.

18. Le Muse fanno il girotondo: Jurij Lotman e le arti: studi in onore di Giuseppe Barbieri: atti del cinvegno internazionale (Universita Ca' Foscari Venezia, 26–28 novembre 2013) / Centro Studi sulle Arti della Russia (Venezia); a cura di M. Bertele, A. Bianco, A. Cavallaro; introd. di S. Burini. – Crocetta del Montello: Terra Ferma, 2015.

References

1. Ajmermaher K. «Mir» i «model' mira» v literaturovedcheskih rabotah moskovskoj i tartuskoj shkol // Znak. Tekst. Kul'tura. – М., 2001. – С.282–303.

2. Dekart R. Pravila dlja rukovodstva uma // Sochinenija v dvuh tomah. T.1. – М., 1989. – С.78–153.

3. Zaliznjak A. A., Ivanov Vjach. Vs., Toporov V. N. O vozmozhnosti strukturno–tipologicheskogo issledovanija nekotoryh modelirujushchih semioticheskijh sistem // Strukturno–tipologicheskije issledovanija, sbornik stat'ej pod red. T. N. Moloshnaja. – М., 1962. – С.134–143.

4. Zelenskaja L. Ju. Principy interpretacii teksta v Moskovsko–Tartuskoj semioticheskijh shkole. Istoriko–filosofskij analiz. Avtoreferat diss. ... kandidata filosofskijh nauk. – М.: MGU, 2000. – 24 s.

5. Zenkin S. N. Semiotika zritel'nogo obraza: Rolan Bart i Jurij Lotman // Zenkin S. N. Raboty o teorii: Stat'i. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – С.262–274.

6. Kim Su Kvan. Osnovnye aspekty tvorcheskijh jevoljucij Ju. M. Lotmana: «ikonichnost'», «prostranstvennost'», «mifologichnost'», «lichnostnost'». – М.: NLO, 2003. – 176 s.

7. Kichenko A. S. Semiotika posle Ju. M. Lotmana: aspekt «Mifologichnosti» // Shidnoslov'jans'ka filologija. – 2009. – №14. – S.19–24.

8. Lotman Ju. M. O sootnoshenii pervichnogo i vtorichnogo v kommunikativno–modelirujushhiih sistemah // Materialy vsesojuznogo simpoziuma po vtorichnym modelirujushhim sistemam I (5). – Tartu: Tartuskij gos. universitet, 1974. – S.224–228.

9. Lotman Ju. M. Proishozhdenie szuzheta v tipologicheskom osvshhenii // Lotman Ju. M. Izbrannye stat'i v treh tomah. T.1. – Tallinn, 1992. – S.224–242.

10. Lotman Ju. M. Ritorika // Lotman Ju. M. Ob iskusstve. – SPb., 1998. – S.404–422.

11. Lotman Ju. M. Semiosfera: Kul'tura i vzryv; Vnutri mysljashhiih mirov; Stat'i i Issledovaniya; Zametki. – S.–Peterburg: «Iskusstvo–SPB», 2000. – 704 s.

12. Lotman Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta // Lotman Ju. M. Ob iskusstve. – SPb.: «Iskusstvo – SPB», 1998. – S.12–150.

13. Lotman Ju. M. Teatral'nyj jazyk i zhivopis' (K probleme ikonicheskoi ritoriki) // Lotman Ju. M. Ob iskusstve. – SPb.: «Iskusstvo – SPB», 1998. – S.608–617.

14. Lotman Ju. M. Tezisy k probleme «Iskusstvo v rjadu modelirujushhiih sistem» // Lotman Ju. M. Ob iskusstve. – SPb.: «Iskusstvo – SPB», 1998. – S.387–400.

15. Segal D. M. «Et in Arcadia ego» vernulsja: nasledie moskovsko–tartuskoi semiotiki segodnja // Moskovsko–tartuskaja semioticheskaja shkola. Istorija, vospominaniya, razmyshleniya. – M., 1998. – S.99–112.

16. Uspenskij Vl. A. Progulki s Lotmanom i vtorichnoe modelirovanie // Lotmanovskij sbornik 1. – M., 1995. – S.99–127.

17. Faustov A. A. Mif i vtorichnye modelirujushhie sistemy // Pojetika mifa: Sovremennye aspekty / Otv. red. S. N. Zenkin. – M, 2008. – S.5–23.

18. Le Muse fanno il girotondo: Jurij Lotman e le arti: studi in onore di Giuseppe Barbieri: atti del convegno internazionale (Universita Ca' Foscari Venezia, 26–28 novembre 2013) / Centro Studi sulle Arti della Russia (Venezia); a cura di M. Bertele, A. Bianco, A. Cavallaro; introd. di S. Burini. – Crocetta del Montello: Terra Ferma, 2015.

Konstantinov M. V., post-graduate student,
Poltava National Technical Yuri Kondratyuk University
(Ukraine, Poltava), mihael01@hotmail.com

The transformation of Yuri Lotman's concept of art as «the modelling system»

The purpose of the present study is to reconstruct the evolution of the concept of Yu. Lotman about art as secondary modelling system. The author analyses the transition to the concepts «primary» and «secondary» of the communicative modeling systems, and then to concepts of a continualization and discretization in which continual languages assume function of the term «secondary modeling systems». The conclusion is drawn on essential transformation not only concepts, but also all theory of Yu. Lotman developing idea «semiosphere» as the global modelling semiotics system.

Keywords: language, the communicative modeling system, a continualization and discretization, continual language, semiotics, a semiosphere, Yu. Lotman.

Константинов М. В., аспирант кафедри філософії і соціально-політичних дисциплін, Полтавський національний технічний університет ім. Юрія Кондратюка (Україна, Полтава), mihael01@hotmail.com

Трансформація поняття мистецтва як «моделюючої системи» у Ю. М. Лотмана

Реконструйована еволюція концепції Ю. Лотмана про мистецтво як «вторинну моделюючу систему» – показаний перехід до понять «первинне» і «вторинне» в комунікативно–моделюючих системах, а згодом до понять континуальності і дискретності, в яких континуальні мови приймають на себе функцію терміну «вторинні моделюючі системи». Зроблений висновок про суттєву трансформацію не тільки понять, але й загалом концепції Ю. Лотмана, в якій набула розвитку ідея «семіосфери» як глобальної моделюючої семіотичної системи.

Ключові слова: мова, комунікативно–моделююча система, континуальність і дискретність, континуальна мова, семіотика, семіосфера, Ю. Лотман.

* * *

УДК 1:5–05

Культенко В. П.,

кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії, Національний університет біоресурсів і природокористування України (Україна, Київ), kultenko@ukr.net

Гонтар К.,

магістр факультету захисту рослин, екології та біотехнологій, Національний університет біоресурсів і природокористування України (Україна, Київ)

Лебідь І.,

магістр факультету захисту рослин, екології та біотехнологій, Національний університет біоресурсів і природокористування України (Україна, Київ)

ПРОБЛЕМАТИЗАЦІЯ ПИТАНЬ СТАЛОГО РОЗВИТКУ В ПОЛІТИКО–ЕКОНОМІЧНОМУ ВЧЕННІ ДЖ. МІЛЯ

Досліджуються особливості політико–економічного вчення Дж. Міля в контексті оформлення автором ідеї сталого суспільного розвитку. Ця ідея розуміється філософом, в першу чергу, як ідея еволюції, в межах якої категорія зростання замінюється категорією достатнього рівня розвитку. Д. Міль дослідив сучасне йому англійське суспільство з типовими характеристиками – влади грошей, конкурентної боротьби, ринкових умов та вільного підприємництва тощо. Проаналізувавши сутність кожної із його складових, він приходив до ідеалу суспільного блага, в межах якого означені складові не посилюють суспільне протистояння, а, навпаки, консолідуєть суспільство. Консолідація забезпечується шляхом реформування суспільства на засадах встановлення партнерських відносин між усіма учасниками економічних процесів. Умови рівності, колективного володіння капіталом і спільного здійснення робіт сприяли б, на думку філософа, швидкому зростанню продуктивності праці. Досягнення «стаціонарного стану» економіки дозволить людям присвятити себе нематеріальним цілям та якісному удосконаленню життя.

Ключові слова: політекономія, суспільне благо, багатство, праця, гроші, теорія реформізму.

Проблема побудови суспільства, в якому б гармонійно поєднувались можливість досягнення особистої економічної користі з моральними засадами суспільного існування на основі забезпечення блага всіх, хвилює філософів, науковців, політиків впродовж багатьох століть. Спроби її вирішення відображені в утопічних соціальних проєктах, концепціях ліберального суспільства, держави всезагального добробуту, суспільства активної участі тощо; в класичних, неklasичних, неокласичних політекономічних вченнях.

Особливістю наукового доробку Дж. С. Міля стало його переконання, що принцип загального блага нерозривно пов'язаний з необхідністю узгодження інтересів окремих індивідів з загальними соціальними інтересами. Ці думки стали підмурком для подальшого формування стратегії сталого розвитку – провідної установки сучасності, що базується на ідеї гармонізації всіх проявів людини з природними законами життя. Йдеться про необхідність встановлення балансу між задоволенням сучасних потреб людства і захистом інтересів майбутніх поколінь, майбутнього життя. Визначення сталого розвитку сформульовано як «розвиток, який задовольняє потреби нинішнього покоління без шкоди для можливості майбутніх поколінь задовольняти свої власні потреби» [4]. Метою роботи є простежити еволюцію поглядів філософів, зокрема Дж. Міля, щодо даної проблеми.

Дж. Міль виступав як прогресивний для свого часу науковець, громадський діяч, якому були близькі ідеали загального людського блага. Його книга «Основи політичної економії» у концентрованому виді містить в собі найбільш суттєві політико–економічні ідеї того